

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

⁴² Dehmel, R. Bekenntnisse / R. Dehmel. – S. Fischer Verlag, Berlin, 1926. – S. 151.

⁴³ Dehmel, R. Ausgewählte Briefe. – Bd. 2. – S. 149.

⁴⁴ Dehmel, R. Bekenntnisse. – S. 130.

⁴⁵ Dehmel, R. Gesammelte Werke / R. Dehmel. – Bd. III. – S. 143.

⁴⁶ Dehmel, R. Bekenntnisse. – S. 137.

⁴⁷ См.: Stern, B. Stunden mit Richard Dehmel. – S. 28–29.

⁴⁸ См.: Демель, Р. Автобиография (вещий сон) / Р. Демель // Демель Р. Собр. соч. – Т. 1. – С. 4.

⁴⁹ Демель разослал свое «предостережение» примерно 60 писателям, подписались только половина.

⁵⁰ Горький, М. // Собр. соч. в 30 тт. – М., 1949–1956. – Т. 24. – С. 48–49.

⁵¹ «Из западных лириков» (Спб., 1901), «Новые немецкие поэты» (Белая Церковь, 1910), «Вестник иностранной литературы», «Новый мир», «Петербургская жизнь» и т.д.

«НЕОБОЗРИМЫЕ ПОЛЯ» ГОТФРИДА БЕННА

А.А. Гугнин

Полоцкий государственный университет, Беларусь

...По своему мышлению он – самый прогрессивный
и самый бесстрашный немецкий поэт нашего времени.

Герман Гессе, 1950

Наше секуляризованное сознание, прикованное бесчисленными цепями и соблазнами технической цивилизации к текущему и сиюминутному, с трудом вырывается из плена будничной жизни. От вечных вопросов мы отмахиваемся, как от назойливых мух, или решаем их походя, наспех, не всерьез, ибо решение всерьез требует изменения всего поведения, внешней и внутренней жизни, которая превращена уже в круговорот, всех поглощающий и никого не отпускающий. И все же существенные вопросы – о мироздании, о цели или бессмысленности жизни и смерти, о смысле отдельно взятой человеческой, **нашей**, жизни – так или иначе волнуют всех, встают ли они в часы серьезных потрясений или утрат или присутствуют в нашем сознании как фон, как любимая или назойливая мелодия. Бывают особые минуты, когда душа, устав сопровождать нас по суетным тропам жизни, заставляет хоть ненадолго уединиться, сосредоточиться и открыть книгу Поэта. И мы читаем:

...Ливни, пламя, ночные бденья –
И над пеплом вдруг кто-то поймет:
«Жизнь – это мостов наведение
Над потоком, что всё унесет»¹
(«Эпилог», 1949)

Переводить лирику трудно, без утраты оттенков смысла, ритма, звуковой аранжировки и мелодии почти невозможно, и все же приличный перевод всегда лучше, чем подстрочник, ибо позволяет сохранить творческую целостность восприятия, которую подстрочник разрушает. Дословно эти строки выглядели бы так: «Ливни, всполохи огней, вопросы – И затем на пепле узреть: “Жизнь – это наведение мостов Над потоками, которые иссякают”». Несмотря на некоторые смещения, переводчик сохранил смысловую многоярусность оригинального текста. Человек всю жизнь «наводит мосты», чтобы соединить то, что прежде не было соединено, хотя и сознает, что «поток» (читай: поток времени) «всё унесет» – и самого человека, и те «мосты», которые он наводит.

Зачем же тогда человеку вообще «наводить мосты», если он уже точно знает, что все будет «унесено потоком» времени? Или, если учесть, что в оригинале картина все-таки сложнее: потоки иссякнут, а мосты останутся, – зачем же тогда мосты над умершими потоками: неужто человек вообще не способен ни на что большее, более претендующее на целесообразность в Вечности?..

Ответов у Поэта много, но все они привязаны к двум полюсам: вечное и конечное, бесконечность Вселенной и конечность человеческой жизни, может быть, даже и человеческой истории. Вот один из ответов:

ДВЕ СУЩНОСТИ ЕСТЬ
Сквозь тысячи форм шагали,
сквозь Я, Ты, Мы, как сквозь тьму,

и все опять отступали
перед вечным вопросом: к чему?

Вопрос самой детской из логик.
Поймешь на склоне пути,
одно лишь ты должен: как стоик
– то цель, или страсть, или подвиг –
свое назначенье нести.

Снега, ледники – всё растает,
всё сгинет во тьме бытия,
две сущности есть: пустота и
твое обреченное Я².

(1953)

Здесь тоже перевод, лишь в меру возможности приближенный к Поэту, – в оригинале стоит его излюбленное *das gezeichnete Ich*, что означает «отмеченное свыше Я», или, растолковывая, «Я, отмеченное свыше печатью своего предназначения», но такой «печатью» которая никак не дается в руки, которую даже труднее понять, чем «свое назначенье нести», ибо последнее означает лишь направление движения, которое сначала ощущается на уровне интуиции и проявляется лишь по мере того, как мы его «несем». Потому в переводе здесь использовано сочетание «обреченное Я», что означает и высший нравственный долг (человек должен сам обречь себя до конца нести свое назначенье), и обреченность, но в другом, еще более метафизическом смысле: ведь «Я» должно нести свое «назначенье» в «пустоте», поскольку свет высшей Истины для него все равно останется закрытым, а подменять и разбавлять высшую Истину обычными человеческими утопиями и заблуждениями это «Я» не хочет, а потому оно заранее обречено на страдания, и оно сознательно избирает себе эту «обреченность» на каждодневные страдания, ибо не знает другого способа приблизиться к высшей Истине, а ни на что меньшее это «Я» не согласо.

Обращаясь к творчеству Готфрида Бенна (1886–1956), одного из крупнейших немецких писателей и мыслителей XX века, мы попадаем в область не совсем обычную и не совсем привычную, ибо все свои незаурядные способности он направил на познание того, от чего мы, как правило, бежим. Его всю жизнь волновало не более и не менее, как соотношение отдельного человеческого Я (позднее – творческого Я) со всей Вселенной, многие годы он посвятил попыткам проникнуть в суть и смысл человеческой эволюции вообще, определить ее характер и направление и в этих рамках – суть человеческой цивилизации, культуры и, наконец, искусства слова. «Слово» (*Das Wort*) играло в его поэтике центральную, поистине магическую роль. Не случайно он претендовал занять в немецкой литературе место создателя «абсолютной прозы» и «абсолютной поэзии». Эти жанры Бенн сам выдумал, сам теоретически обосновал и воплотил – насколько это вообще возможно – в своих произведениях.

Слово как материальная субстанция и как субстанция всей человеческой истории и культуры само по себе несет гораздо больше смысла, чем тот, который стремится придать ему писатель, скованный рамками определенных «содержаний» в пределах своей исторической эпохи и своего культурного ареала. Задача настоящего творца, считал Бенн, состоит в высвобождении слова от этой ситуативной и сиоми-нутной скованности, в предоставлении ему возможности самому подыскивать себе пары и необходимые сцепления для выражения гораздо более глубоких содержаний, чем те, которые может почерпнуть сам автор из своего непосредственного окружения и жизненного опыта. Ведь любое слово – Вселенная, Земля, весна, рука – произносящий или пишущий его воспринимает лишь в том объеме, который ему известен (или представляется известным), само же слово заключает в себе и неизвестные еще автору (или вообще человеку) содержания – еще не открытые, уже забытые или вообще непостижимые. Поэтому писатель столько же дирижирует своими словами («он знает свои слова», – говорил Бенн), сколько и сами слова ведут его за собой, заставляя вглядываться в их непривычные содержания и в их непривычную сочетаемость и обнаруживать в них новые, скрытые дотоле смыслы. Такова, по мнению Бенна, ситуация автора, стремящегося быть творцом, таковы его активность и пассивность, ибо он не творит ничего своевольно и произвольно, он лишь улавливает глубинные шумы Вселенной и с помощью своей особой, изначально настоящему творцу данной чувствительности к слову отбирает «свои слова». Слух Бенна порой улавливал и слова, отсутствующие в немецких словарях, – он всегда доверял этому внутреннему слуху и вводил подобные слова без всяких пояснений (например, в публикуемом ниже эссе встречается слово «гайя», восходящее к итальянскому «веселый» (*gaio*)³, «быстрый», «живой» (о музыке), – «гайя» Бенна, вбирая эти значения, означает все же нечто иное, а именно: свет и радость, разлитые в природе, и соответствующие им состояния человеческой души). И в качестве заключения к этой теме – еще одно небольшое стихотворение:

СЛОВО

Вот слово, фраза – и открылись
вдруг сразу жизнь, и смысл, и связь,
и сфер движенья изменились,
беззвучно к слову устремясь.

Вот слово – блеск, полет безбрежный,
сиянье звездного огня, –
и вновь ничто, и мрак крошечный
в мирах пустых вокруг меня⁴.
(1941)

И к этому переводу приходится сделать маленькую поправку. Строго говоря, у Бенна сказано «в пустом пространстве вокруг мира и Я» (im leeren Raum um Welt und Ich). То есть Бенн все же ограничивал магическую роль слова как средства глубинного познания рамками человеческой цивилизации, создавшей слово как инструмент обозначения, познания и сообщения. Но он никогда не забывал о том, что существует еще многое и за этими рамками, и допускал возможность мышления иными – вне привычных человеческих шаблонов – категориями. Более того, он считал (и это видно по «Проблемам лирики»), что человеческое сознание (интеллект), находящееся, по его мнению, еще на самой начальной стадии развития, в конечном итоге сумеет вырваться за пределы того предначертанного, унаследованного и по существу рокового круга, в котором тысячелетиями протекала его обозримая история, и создаст действительно достойную человека цивилизацию. Правда, эти мысли он высказывал не категорично, но не исключал и такой ход развития из числа проигрываемых им вариантов.

Из сказанного уже отчасти должно быть понятно, почему Бенн так высоко ставил Фридриха Ницше, почему он не отказался от его наследия даже после второй мировой войны, когда от Ницше (но и от Достоевского) фактически отрекся, например, Томас Манн. «Ницше – вершина, возвышающаяся над нашей современностью, он и Гёте, все еще до сих пор», – вспоминал слова Бенна его послевоенный издатель⁵, да если бы он и не записал их, то все равно осталось достаточно свидетельств о Ницше от самого писателя, и прежде всего – блестящий доклад «Ницше через 50 лет» (1950), в котором Бенн, отдавая отчет в исторической обусловленности и ограниченности целого ряда постулатов Ницше, трезво и высоко оценивает вклад последнего в историю развития человеческого духа и немецкого слова. Для Бенна Ницше важен едва ли не прежде всего как бескомпромиссный разрушитель всех старых догм, всего старого наукообразного мышления, оправдывавшего историческую закономерность и целесообразность всей кровавой человеческой истории. Ницше раньше многих других (но не раньше Достоевского) увидел и предсказал грядущую «белокурую бестию», которая воплотилась затем наяву в «человека толпы» и в соответствующие ему кровавые полицейские режимы. Ницше спроецировал на будущее логику распознанного им исторического развития человечества – но не он же ее выдумал! И он ли виноват в том, что его **предупреждение** было скудными умами воспринято как призыв и выплеснуто затем в толпу как лозунг и знамя? Ведь позднее, хотя и по-своему, но о том же говорили и Н. Бердяев, и З. Фрейд в «Психологии масс», и Ортега-и-Гассет в «Восстании масс». Все они по-своему предупреждали, били в набат, исходя из наблюдаемой ими действительности, – но кто хотел их слушать, кто из политических деятелей даже сегодня хочет к ним серьезно прислушиваться?

Готфрид Бенн по-своему подхватил эстафету Ницше, творчески переработав те грозные и бескомпромиссные обвинения, которые Ницше выдвинул едва ли не против всех областей и сторон современной ему европейской цивилизации. Особенно внимательно Бенн приглядывался к «артистизму» Ницше, к его способности «самовыражаться, формулировать, сиять и ослеплять»⁶, «рвать и терзать» все застывшее и унаследованное, **чтобы** «незвизая на опасности и последствия заглянуть в зияющие разломы»⁷, из которых на него вытаращила, должна была вытаращить свои бельма «белокурая бестия». Исходя из такого понимания Ницше, считает Бенн, человечество в конечном итоге должно будет воздвигнуть ему памятник.

Теперь уже совсем нетрудно определить политическую позицию Бенна, вокруг которой целые десятилетия продолжались споры, фактически и затруднившие знакомство с ним советского и постсоветского читателя. В силу своей рано определившейся тотально **нигилистической** позиции по отношению к современному обществу и продуктам его культуры Бенн сразу попытался поставить себя вне общества и даже вне литературных группировок, хотя и не отрицал своей связи с экспрессионизмом – в ниспровержении предшествовавших литературных течений. Вспоминая в автобиографическом романе «Жизненный путь одного интеллектуалиста» (1934) свою бытность в Брюсселе в 1916 году, Бенн писал, что он «жил на грани, где кончается бытие и начинается Я»⁸, обозначая этими словами свою способность сосредоточиться на вечных проблемах даже в самый разгар войны, участником которой он был в качестве

военного врача-венеролога. Именно в силу своего тотального нигилизма и сосредоточенности на самых вечных вопросах Бенн не смог стать на крайние позиции – правые или левые, ибо не доверял ни массам, ни их вождям, ни идеологии, ни науке, а еще точнее – скептически вглядывался «в четыре тысячелетия человечества» и его истории, обнаруживая везде примитивный и безутешный самообман: «Мы изобрели пространство, чтобы убить время, а время – чтобы мотивировать продолжительность нашей жизни; из этого ничего не выйдет и ничего не разовьется, категория, в которой раскрывается Космос, есть категория галлюцинации»⁹.

Другое дело, что, оставаясь по сути своей центристом, Бенн – вслед за Ницше – на некоторое время сосредоточился на критике современной цивилизации, стараясь разбередить и обнажить ее раны, чтобы высвободить некие стихийные силы, которые должны были дать новый поворот в ее дальнейшем развитии. Социализм в его большевистском варианте, по существу **уничтоживший национальность**, не говоря уже о ряде других его проявившихся черт, никак не привлекал Бенна, но на какой-то миг, в 1933 году, ему показалось, что **национальный** вариант высвобождения стихийных массовых сил как раз и способен дать тупиковой цивилизации новый и перспективный толчок. Отрезвление наступило очень быстро, но уже была произнесена по радио речь и опубликовано письмо-ответ Клаусу Манну, где Бенн объяснял, почему он хочет остаться на родине и разделить со своим народом его судьбу. В романе «Двойная жизнь» Бенн сам приводит все эти документы и открыто признает, что К. Манн, «двадцатисемилетний, правильное увидел ситуацию, точно оценил дальнейший ход событий, мыслил яснее, чем я»¹⁰. Но из дальнейших рассуждений Бенна видно, что проблема только этим не исчерпывается, что она связана с проблемой власти и ее роли во всей человеческой истории, и в таком виде эта проблема остается не разрешенной и по сегодняшний день. То есть Бенн, порой ошибаясь в частности из-за слишком объемного масштаба волновавшей его общей идеи, не ошибся все-таки в целом – в оценке общей непродуктивности и антигуманности современного состояния человеческой цивилизации.

Но нацистское государство и его идеологи очень скоро и сами сообразили, что Бенн все же – чужеродный для них элемент. Уже в 1933 году ему было запрещено выступить с надгробной речью в честь умершего в конце года Стефана Георге – крупнейшего немецкого поэта-символиста, которого Бенн очень высоко ценил. Затем начались нападки в прессе, сначала прощупывающие, а потом все более угрожающие. Бенн перестал посещать заседания Прусской Академии, членом которой он был избран в 1932 году, а затем, чувствуя все ближе надвигающуюся опасность, попытался уйти от нее в «аристократическую форму эмиграции», снова записавшись на службу по своей основной профессии – военного врача, где его сначала спасали от прямых карательных санкций оставшиеся еще в армии образованные генералы, а затем друзья студенческих лет – врачи. В 1937 году в написанной одним из эсэсовцев книге «Очищение храма искусства» Бенна заклеймили «культур-большевиком», а на следующий год исключили из Имперской палаты письменности, запретив не только публиковаться, но даже и писать. При чтении романа «Двойная жизнь», где все это детально и документально описано, невольно напрашивается сравнение с книгой А. Солженицына «Бодался теленок с дубом» – Бенн тоже по-своему сумел перехитрить «третий рейх» и описать затем с потрясающей силой наглядности то, что же в этом рейхе на самом деле, в конце концов, происходило. Писать он, конечно, продолжал, и даже опускался с космических высот на вполне земную твердь, о чем свидетельствует хотя бы это четверостишие, написанное в разгар гонений не только на него лично, но и на все искусство экспрессионизма в целом:

ЭКСПРЕССИОНИСТ!

Здесь в честь твою никто не станет верить,
И на Парнас тебя никто не вознесет,
А если кто тебе проломит череп,
Тот только «честь» Германии спасет.
(1938)

В 1943 году Бенн на свой риск и страх и за свой счет издал нелегально антифашистский по духу сборник «22 стихотворения», который распространял среди своих друзей и о котором впоследствии в шутку говорил, что мог бы после войны предъявить его как документ антифашистского сопротивления, в шутку потому, что сам он с того времени снова бился над центральными проблемами человека, человечества и космоса и текущая политическая борьба его уже опять мало интересовала. И уж совсем поразительно, что в числе многочисленных откликов на смерть Готфрида Бенна 7 июля 1956 года был и прекрасный стих министра культуры ГДР Иоганнеса Р. Бехера, может быть, самый лучший и самый честный во всем его творчестве. Этот факт всерьез так и не попытались еще объяснить литературоведы – ни применительно к Бенну, ни применительно к Бехеру. А дело все в том, что и Бехер, пускай и непоследовательно, до конца жизни пытался перешагнуть узкую, однозначную догму, которой он присягнул и в непреложности которой он сам себя так до конца и не смог убедить. А Готфрид Бенн – увы! – все же

далеко не так однозначен, как это могло казаться всем тем, кто многие годы пытался судить о нем с догматических позиций.

Поможет ли это введение читателю предлагаемого эссе? На это трудно надеяться, поскольку к писателю такого ранга, как Бенн, нужно приглядываться долго, внимательно и с разных сторон. Но все же хотелось бы думать, что когда читатель этой маленькой статьи дойдет до понятия «абсолютное стихотворение», ради которого поэт предлагает «покинуть религию, покинуть коллектив и перейти в необозримые поля», ему кое в чем помогут и мои скромные размышления, размышления человека, который не стыдится признаться, что и сам еще далеко не все охватил в творчестве этого великого писателя XX века.

И еще об одном хочется здесь напомнить. Бенн получил прекрасное образование: окончил классическую гимназию, затем изучал философию и филологию в Марбурге (где через несколько лет увлеченно слушал почти те же курсы Б. Пастернак) и в Берлине, затем окончил одну из лучших в то время военных медицинских академий. Презирая дилетантизм и любых его форм, д-р Бенн считал своим долгом глубоко вникать во все направления своей профессиональной деятельности: патологию, дерматологию и венерологию и, наконец, медицинское обслуживание, публикуя как специальные статистические исследования, так и базирующиеся на огромном эмпирическом материале статьи общепhilosophического характера. Тысячи и тысячи больных (в том числе советские солдаты и офицеры в Берлине) побывали в его приемном кабинете. И это тоже надо иметь в виду, когда Бенн, всю жизнь подчеркивая свое неприятие конкретной действительности, в то же время утверждает, что «великий поэт – это великий реалист, очень близкий ко всякой действительности, – он просто завален действительностью, он очень земной...».

Слава к Бенну пришла после публикации первого сборника «Морг и другие стихотворения» (1912), который одних читателей привел в восторг, а других шокировал, но сразу вывел поэта в число наиболее заметных экспрессионистов, хотя сам Бенн, как можно было понять, не особенно вникал в текущие литературные бои и лозунги. В 1935–1948 годах произведения Бенна в самой Германии не печатались. В 1949 году вышло сразу несколько книг: роман «Птолемея», «Статические стихи», сборник стихотворений «Упоенный поток», драма «Три старика», сборник эссе «Мир выражения» и отдельно – исследование «Гёте и естественные науки». И сразу же началась громкая послевоенная слава поэта, теперь уже осознанно провозгласившего «вторую фазу экспрессионизма», под знаком которой в литературе ФРГ во многом прошли все 50-е годы. В 1951 году ему была вручена самая авторитетная в ФРГ литературная премия имени Георга Бюхнера.

Остается добавить лишь несколько самых общих соображений по поводу публикуемого эссе, обстоятельная интерпретация которого потребовала бы значительного объема и, возможно, в чем-то помешала собственным размышлениям читателя. «Проблемы лирики» могут быть освоены с разных точек зрения в зависимости от того, кому какие акценты представляются наиболее важными. **Во-первых**, это – популярный очерк предыстории и истории европейского авангарда, уяснение его генезиса, его преемственности с некоторыми традициями, отмеченными уже по крайней мере в романтизме (абсолютизация искусства, художника, творческой личности и т.д.) и развитыми затем парнасцами и особенно символическими. **Во-вторых**, можно прочитать эссе Бенна в прямо противоположном направлении, как строго проведенное уяснение принципиальной новизны авангарда: в отношении к слову как к материальной космической субстанции (с этим связан и невиданный до того интерес к словотворчеству), которую поэт лишь улавливает и формирует; в разрушении унаследованных структур языка и мышления; в выламывании из привычных форм традиционной истории и культуры (отсюда и подчеркнутое внимание к Ницше). В этом последнем отношении – в недоверии к унаследованной цивилизации и культуре – и правый и левый авангард едины. Коренное различие – со всеми вытекающими отсюда последствиями – обозначилось во время поисков выхода из цивилизованного тупика. Бенн пошел по пути самоуглубления, отторжения сегодняшнего и социального; он строил свою философию и эстетику, пытаясь постичь космический универсум в целом и уяснить место в нем человека и созданной им цивилизации. Так называемый революционный или пролетарский авангард (И.Р. Бехер, Б. Брехт, но и В. Маяковский) в конечном итоге фетишизировал классовую и социальную интегрированность человека, классовая борьба и диктатура пролетариата предстала здесь фактически как единственный инструмент разрешения экзистенциальных проблем человека и человечества. Различие слишком очевидное¹⁰, которое, по сути, и развело вначале почти монолитный авангард по самым разным направлениям, не гарантируя ни одному из них безошибочности политической позиции и житейского поведения (о заблуждении Г. Бенна в 1933 году я уже упоминал, Бехеру же, занимавшему ключевые посты в культурной жизни ГДР, пришлось стать прямым соучастником репрессивной политики СЕПГ по отношению к творческой интеллигенции).

В-третьих, «Проблемы лирики», несомненно, прочитываются как личное нравственное и философское кредо Готфрида Бенна, как доверительный разговор о поисках высших жизненных ценностей, как итоговый эстетический манифест его собственного творчества, прежде всего лирического, хотя принципы, здесь высказываемые, соотносимы, разумеется, не только с его лирикой, но и с прозой. Потому что Г. Бенн – прежде всего поэт, даже в своей прозе. Говорить же о поэзии Бенна сейчас очень трудно, пото-

му что по-русски этой поэзии – вплоть до последнего времени практически еще не было, хотя и были уже отдельные переводческие удачи (Е. Витковский, О. Татаринова, С. Аверинцев, В. Микушевич и др.¹¹). Читатель эссе должен обратить внимание на трактовку таких понятий, как «артистизм» и «чародейство», ибо эти качества, несомненно, отличают многие стихотворения поэта. С точки зрения содержания поэзии Бенна, по-моему, важно при чтении эссе обратить внимание на соотношение пессимистически-нигилистических и оптимистически-гуманистических элементов, иначе говоря, ясно понять, что именно Бенн тотально отрицает и на что же он в конце концов надеется (на отдельных сторонах этого соотношения я пытался заострить внимание). Говоря о конфликте «лирического Я» со средой и о неизбежном одиночестве Поэта, Бенн провозглашает Поэта хранителем высших ценностей человеческого духа, «последним остатком от человека, который еще верит в абсолютное, живет в нем». Причем «абсолютное» для Бенна – не головная конструкция, не выдумка, не утопия, но лишь абсолютная нравственная позиция, стремление пронести гуманистический идеал сквозь все «завалы действительности». «Лирик не может позволить себе чего-то не знать, он должен работать до изнеможения, все перепробовать своими руками, он обязан ориентироваться в том, на какой точке сегодня остановился мир, какой час в этот полдень переживает Земля». Постоянная и нигде не ослабевающая напряженность между сиюминутным (встающим во всей своей обнаженной конкретике) и вечным, просвечивающим сквозь всю приглядную и неприглядную конкретику идеалом – в этом живой и трепещущий нерв поэзии Бенна, в этом ее возрастающая с годами притягательность.

Один из программных манифестов послевоенной западногерманской поэзии, доклад Бенна «Проблемы лирики» (Probleme der Lyrik) был прочитан в 1951 году перед студентами Марбургского университета и тогда же опубликован. Перевод осуществлен по изданию: Benn, G. *Gesammelte Werke* / G. Benn. – Bd. 4. – Reden und Vorträge. – München, 1975. – S. 505–536.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод О. Татариновой.

² Здесь и далее при отсутствии отсылки на переводчика перевод мой. – А. Г. В. Микушевич в своем переводе этого стихотворения выбрал образ «заклеймённое я» (см. прим. 11, с. 261 в названном издании), *das gezeichnete Ich* содержит в себе возможность и такого перевода, но с учетом приводимого в данной статье комментария. При первой публикации данной статьи в «Вопросах литературы» (1991, № 7) я соблазнился перевести этот образ как «обретённое я», хотя и откомментировал его неточность.

³ У Ницше встречается в форме прилагательного: *la gaya scienza* («веселая наука»).

⁴ Niedermayer, M. *Erinnerungen an Gottfried Benn* / M. Niedermayer. – G. Benn *Doppelleben*. – Wiesbaden, 1967. – S. 128.

⁵ Benn, G. *Gesammelte Werke in der Fassung der Erstdrücke, Essays und Reden* / G. Benn. – Frankfurt a. M., 1989, S. 501.

⁶ *Ibidem*. – S. 500.

⁷ Benn, G. *Über mich selbst* / G. Benn. – München, 1956. – S. 27.

⁸ *Ibidem*.

⁹ Benn, G. *Doppelleben* – S. 43.

¹⁰ Наиболее наглядно это различие выявилось в прямой дискуссии Г. Бенна и И.Р. Бехера в 1930 году: И.Р. Бехер, Г. Бенн. Радио-беседа. – «Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века». – М., 1986.

¹¹ См. в том числе подборку в кн.: Сумерки человечества. Лирика немецкого экспрессионизма // Сост. В.Л. Топорова и А.К. Славинской. – М., 1990. В мозаике художественно разнородных переводов поэзии Бенна растворяются отдельные переводческие удачи, но главное – и неповторимый и постоянно замыкающийся на ключевые слова и понятия стиль самого Бенна. Лучшее издание на русском языке: Бенн, Г. *Перед концом света* / Г. Бенн // Перевод с немецкого, составление, вступительная статья и комментарии В.Б. Микушевича. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 294 с.

«О ТЕХ, КТО ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ»: ХАЙНЦ ПИОНТЕК (1925–2003)

Т.В. Кудрявцева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва (Россия)

Многогранное творческое наследие Хайнца Пионтека (Heinz Piontek, 1925–2003) охватывает разные литературные виды (стихи, романы, рассказы, эссе, радиопьесы и пр.). Пионтек один из предтеч так называемой литературы «новой субъективности»¹, получившей свое название из-за сильно выраженного